

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин

Впоследствии даже мелкие подробности этого события стали казаться Осокину многозначительными и странными. Но, пожалуй, самым странным было то, что вся история, во всяком случае в его рассказе, выглядела совершенно естественной, обыкновенной, даже скучноватой. Вот это-то и заставляло к ней прислушиваться. Примерно речь идет о начале пятидесятых годов нашего века. Карьера Осокина только начиналась, и начиналась неплохо. У него была машина, кабинет, секретарша, он ведал большим отделом, и попасть к нему на прием было уже нелегко.

Приемных дней Осокин не любил. К вечеру голова становилась тяжелой, мускулы лица болели от выражения внимательной вежливости, Осокин раздражался, проклинал свою должность, из-за которой гибла его еще такая молодая, такая перспективная жизнь. Как он ни старался, очередь в приемной не убывала. За два года она даже выросла. Чем больше он принимал, тем больше к нему записывались на прием.

Было без сорока минут семь, то есть практически Осокин мог принять еще двоих-троих, поскольку на посетителя в среднем уходило десять-пятнадцать минут. Осокин точно запомнил, что посетитель оказался предпоследний, и фамилия его была Лиденцов. Память на фамилии у Осокина была чисто профессиональной.

Судя по фигуре и походке, вошедшему можно было дать лет сорок - сорок пять, прожитых, очевидно, нелегко. Худой, очень морщинистый, в затрепанном коричневом пиджаке с оттопыренными карманами, он выглядел каким-то обгорелым, обожженным или обугленным, что-то в этом роде, определил Осокин. Лиц своих посетителей Осокин не разглядывал. Входя к нему, люди делали нужные им лица - робкие, страдающие, измученные, - то были не их собственные лица, и на эту удочку Осокин не поддавался. Скорее можно было раскусить посетителя по тому, как он приближался к столу или протягивал свои бумаги.

Пока Лиденцов говорил, Осокин листал его дело, обстоятельства были несложные. Два года назад Лиденцов разошелся с женой, жил где-то у приятелей, снимал угол, а теперь просил комнату. Право на совместную жилплощадь он потерял, - очевидно, не захотел судиться, а просил дать ему комнату скорее, сейчас. Никаких к тому уважительных оснований Лиденцов вроде не имел. И ни на что не ссылался. На дурачка не походил. Бывают такие чудачки, - как будто Осокин тут же вынет им из ящика ордер на квартиру. Лиденцов держался уверенно, даже весело, - большей частью так держатся имеющие чью-то поддержку.

- Очередь для всех одинакова. Чем другие хуже вас?

Фразы у Осокина были отработаны на все случаи, однако осторожности ради он несколько смягчил тон.

- Знаете, в моем положении, - сказал Лиденцов, - думать приходится не о преимуществах других, а о своих собственных.

Осокину показалось, что отвечают ему такими же заготовленными фразами, как будто исполнялась заученная сцена.

- Какие ж у вас преимущества?

Лиденцов почему-то засмеялся.

- Я болен.

Тут же поднял рукав и показал сыпь, мелкие красные струпья. Зрелище было препротивное, но Лиденцов не стеснялся, сам с задумчивым интересом разглядывал свою руку.

- Мне каждый день надо ванну принимать.

- Внеочередным правом пользуются туберкулезные больные.

- Значит, не тем заболел?

- Вы ж интеллигентный человек, - с укором сказал Осокин. - Как вы можете, вы

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru представляете себе, что такое открытая форма туберкулеза?

За точность текста и тут и дальше ручаться нельзя. Вряд ли Осокин мог буквально запомнить этот диалог. Свои собственные реплики он восстанавливал легко, реплики же Лиденцова он преподносил по-разному, и приходилось выбирать наиболее достоверное. Но впрочем, как судить о достоверности? Вот, например, в этом месте Лиденцов заговорил о другой болезни, мучившей его. Слова его были настолько путаны, что Осокин считал неудобным повторять их.

Смысл сводился к тому, что Лиденцов страдал от хода времени: поток времени, видите ли, шел через него, раскачивая какие-то рецепторы его организма. Лиденцов физически ощущал разрушительное движение времени, оно уносило частицы его, оно размывало его, как песок, и он пытался пересекать его под углом. На Осокина все это произвело впечатление гораздо меньшее, чем сыпь, хотя Лиденцов говорил взволнованно. Пришлось Осокину прервать его: при чем тут комната? Лиденцов объяснил, что работа у него сейчас теоретическая, ему надо сидеть и думать. Что это за работа, когда можно не ходить на работу, – этого Осокин не понимал и понимать не желал.

– Ах, да! – спохватился Лиденцов и стал рыться в карманах. – Совсем забыл. – Он вытащил ветхий, заношенный конверт.

Так Осокин и предполагал, так он и думал, что существует бумажка; без нее люди не ведут себя столь уверенно. Подобных посетителей с записочками, резолюциями, ходатайствами, по которым он обязан был обеспечивать, содействовать, предоставлять, Осокин терпеть не мог. Он даже выступал против подобной практики. Все эти записочки урезали его и без того скудные возможности. Нарушался порядок, последовательность всех прохождений, весь механизм, который он с таким трудом налаживал.

Письмо со штампом управления, номер которого требовал внимания, было обращено к глубокоуважаемому товарищу Осокину с просьбой помочь научному сотруднику Лиденцову, занятому важнейшими исследованиями. Какой-то сверхпроводимостью при комнатной температуре... какая-то гипотетическая сверхпроводимая молекула, – как будто Осокин должен был понимать, о чем идет речь. Самомнение ученых больше всего раздражало Осокина, – то, чем они занимаются, обязательно проблема всемирного значения, и все остальное перед ней – мелочи. Однако в этой бумаге было что-то сверх обычного, – Осокин никак не мог понять, что именно, но что-то беспокоило его. Что-то в ней было особенное.

– Одну комнату вам, – повторял он, – без очереди, ну конечно сверхпроводимость, – и вдруг воскликнул, озаренный догадкой: – А подпись-то, а!

– Что подпись? – удивился Лиденцов.

– Подписано-то академиком Ляхницким! – торжествуя, сказал Осокин.

– Да-да, он в курсе моей работы.

– Ах, в курсе, – Осокин обрадованно покивал, – а между прочим, умер он в прошлом году. Или в позапрошлом? – и уличающе поднял палец.

Но никакого замешательства не произошло, Лиденцов был даже разочарован.

– А, вот вы о чем, – сказал он. – Но какое это имеет значение?

Признаться, Осокина тут чуть трянуло.

– Как так – какое значение? Очень даже большое значение. Оно же недействительно! Придется вам новое письмо брать. Пусть академик Полуянов, он у вас теперь, пусть он обратится.

– Полуянов? Что вы! – Лиденцов руками замахал. – Полуянов не был никаким ученым. Пустой сундук. Он никогда не верил в такое решение задачи.

Именно после этой странной фразы Осокин впервые внимательно посмотрел на Лиденцова, заметил детскость его нездорово темного лица. Слегка прищуренные яркие глаза были как прорези куда-то, где что-то клубилось, менялось...

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- То есть как это - был? - медленно и строго спросил Осокин. - Что вы имеете в виду?

- Господи, да никто ж про него и не помнит.

- Погодите. - Осокин подымался, опираясь о стол. - Я ведь только вчера говорил с ним по телефону.

Лиденцов досадливо поморщился:

- А-а-а, если в этом смысле...

Осокин уверял, что его слова о Полуянове были не случайной оговоркой. И в то же время невозможно представить, на что этот человек рассчитывал. Обмануть? Запутать? И не смутился, когда его поймали с поличным, когда Осокин, стукнув по столу, напомнил, что Полуянов депутат, заслуженный человек и кто дал право... И тут Осокин постучал по столу иначе, кончиком ногтя, - так, чтоб было вполне понятно.

- Учтите! - заключил он тоном, не требующим ответа.

Но Лиденцов шагал по кабинету, разглядывая носки своих растоптанных туфель. Он упирался кулаками в днища карманов и думал о чем-то своем. Вполне возможно, что он не слышал Осокина.

- А если б к вам пришел Шокли? - вдруг спросил Лиденцов.

- Кто?

- Да, вы можете и не знать... ну, допустим, Менделеев?

- Что за Менделеев?

- Дмитрий Иванович Менделеев, слышали? И вот Менделеев нуждается в комнате. Ему тоже надо получить бумажку от Полуянова?

- Но вы пока что не Менделеев.

Лиденцов не обратил внимания на его усмешку.

- А все же, если бы пришел Менделеев?

На психа Осокин не стал бы сердиться. Психов он умел выпроваживать. Но в том-то и дело, что Лиденцов не был психом, у Осокина и мысли такой не возникало.

- Скромности вам не хватает, скромности, - произнес Осокин тоном, который следовало бы учесть.

Тем не менее Лиденцов не смутился, - наоборот, похоже было, что ему стало смешно, он тихо посмеялся чему-то своему, но при этом немножко и над Осокиным.

- Между прочим, - Осокин откинулся на спинку кресла, - срок вашей прописки кончился. Вы нигде не прописаны.

- И что же?

- А то... будто вы не знаете. Вы вообще лишаетесь всяких прав. Из очереди вас следует исключить.

- Это невозможно, - горячо сказал Лиденцов. - Вы, наверное, не представляете себе размаха проблемы.

Смеяться Лиденцов все же перестал, схватил свое недействительное отношение и принялся вычитывать оттуда хвалебные формулировки и комментировать.

Данный момент в рассказе Осокина был наиболее невнятным. Он тогда не придавал никакого значения словам Лиденцова. Он постукивал карандашиком, ожидая, когда

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
кончится эта тарабарщина.

А именно эта часть беседы в дальнейшем представляла особый интерес, поэтому Осокина уговорили провести сеанс стимуляции памяти. Удалось восстановить немного. По обрывкам фраз можно лишь догадываться, что Лиденцов говорил о возможности изменить всю энергетику, электронику, биологию... "Ясно станет, как генетическая молекула хранит информацию", вот, пожалуй, единственная буквальная фраза, которую привел Осокин.

Текст ее сохранился в памяти Осокина, вероятно, потому, что он вцепился в эти слова: молекула, молекула... Подобные типы воображают, что весь мир держится на их молекулах. Как же, им одним ясно, как молекулы хранят информацию, они, видите ли, Менделеевы, Мендели, а все остальные вахлаки, лопухи.

Кто для него Осокин? Писарь, конторщик, который обязан обслуживать, обеспечивать корифеев с их генетическими молекулами, они, видите ли, корифеи, пуп земли, они решают мировые проблемы...

- Верю вам, дорогой, - Осокин переходил в таких случаях на полную вежливость, и вида не подавал, конечно, это очень интересно, как она там хранит информацию, да только все это теория.

Тут Лиденцов почему-то смутился. До того он вел себя чересчур свободно. Независимо ходил по кабинету, останавливался у окна, спиной к Осокину, подходил к ккафу и рассматривал там корешки Большой Советской Энциклопедии и каких-то неизвестных самому Осокину справочников.

Смущение Лиденцова выразилось в том, что он замахал руками и стал розоветь.

- Ах, да, конечно, у меня пока модель...

- То-то и оно-то, - с напором продолжал Осокин, встал и пошел на него. - А кроме теории есть практика. Практика жизни! С вашими молекулами дома не построишь. Молекулы у нас есть, а кирпича не хватает. И цемента. На стройку никто не идет. Все молекулами заняты. Да еще при комнатной температуре; конечно, это лучше, чем в котловане.

Лиденцов растерянно потер лоб и сказал:

- Значит, вы ничего не поняли.

- Нет, это вы ничего не поняли! - крикнул Осокин. - Только о себе думаете! - И с горечью махнул рукой. - Ладно. Вас не переговоришь. Там меня еще посетители ждут. Они, конечно, не Менделеевы, но тоже люди.

На таких, как Лиденцов, это действовало. Он съезжился, послушно направился к дверям, однако на полпути обернулся:

- Значит, я не получил?

Что-то у него и впрямь не ладилось с временами.

- Да, только в порядке очереди.

- И вы не боялись?.. - удивился Лиденцов.

- Чего? Что вы имеете в виду?

- ...ошибиться, - робко сказал Лиденцов и опять чему-то удивился.

- Вы про что? - зачем-то крикнул Осокин, не спуская с него глаз.

Тут Лиденцов хитро подмигнул, и по лицу его прошло нечто из -других инстанций, как будто он что-то знал про .Осокина, и не только про Осокина.

- А если Менделеев?

Осокин засмеялся нервно, против воли, и тоже подмигнул:

- Ну, если Менделеев, тогда устроим.

Когда прием кончился, Осокин достал из шкафа том энциклопедии, нашел Менделеева, долго смотрел на памятный по школе портрет с тонкой широкой бородой. Лиденцов... Лиденцов... - Получилось нечто нагловатое и ерундовое, обсосанный прозрачный леденчик... Менделеев... Менделеев... - Он прислушался, покачал головой и удивился тому, что у великих людей всегда бывают и фамилии красивые, внушительные. И внешность у них значительная. Он тогда же подумал о том, как будет звучать его фамилия - Осокин, Осокин...

У Осокина было счастливое свойство: он умел забывать неприятное. Поскольку посещение Лиденцова было чем-то непонятно, а следовательно, и неприятно, Осокин о нем больше не думал.

II

Через неделю снова был приемный день, снова появлялись люди и уходили, обдумывая замечания Осокина, их скрытый смысл, интонацию его голоса. К семи часам Осокин захлопнул папку. Кабинет имел вторую дверь, которая выходила прямо в коридор. Осокин хорошо запомнил этот вечер. Собственно, вечер только наступал, фонари еще не зажигались, с желтого неба падал редкий дождь, желто блестели мостовые, и вода в канале блестела, как мостовая.

Осокин поднял воротник, что чрезвычайно шло ему, надвинул глубже мохнатую кепку, - отличная у него тогда была кепка, моднейшая и в то же время без пижонства

Перейдя мостик, он не свернул на набережную, а пересек площадь и спустился в винный подвальчик. Был такой подвальчик "Советское шампанское", или "шампузия", как называл его Осокин: славный, пропахший вином, бочками, дымом подвальчик, куда заходили сотрудники ближних учреждений, командировочный народ, пили у стоячка, закусывали конфеткой, беседовали, обсуждали хоккейные и футбольные таблицы; пьянства тяжелого и злого тут не бывало, потому что пили виноградные, самым крепким была "бомба" - смесь шампанского с коньяком.

Осокин взял стакан такой бомбы и потягивал сквозь зубы ледяную жгучую смесь. Усталость проходила.

Только что он крадучись спешил по коридору, стараясь, чтобы никто не узнал его, потому что сразу наваливались со своими просьбами; еще только что каждая его минута была нарасхват, люди добивались возможности встретиться с ним, записывались за месяц вперед, подстерегали его, и вот он стоит спокойненько, кругом толпятся, чокаются, дымят, и на него никто и не обращает внимания, никто не догадывается. Он любил такие минуты. Как раз в то время он бросал курить. Еще не бросил, но сильно сократил себя. Сейчас, после вина, ему захотелось затянуться. Он достал из карманчика единственную, хранившуюся на случай, сигарету, обратился к соседу за огоньком. Щелкнула зажигалка, Осокин прикурил, поднял глаза.

Он еще не успел сообразить, кто это, как человек с ним поздоровался, деловито, как будто давно ждал его. Осокин вдруг сообразил, что перед ним Лиденцов, и удивился своей памятью, и еще больше тому, что Лиденцов не назвал себя, словно уверенный, что его помнят.

На Лиденцове было потертое кожаное пальто, длинное, с широкими плечами, нелепо пестрый шарф, зато на голове сияла шапка из неизвестного Осокину гладкозолотистого меха. Все вместе создавало вид такой жалкой и бедственный, что Осокин не стал сердиться на этого человека. Осокин почувствовал свое гладкое молодое лицо, хорошо сшитое модное пальто, ловкое, из заграничного ратина, свою позу, свободную, и добрую. Нарушая правило, он даже спросил Лиденцова - как дела? Правило у Осокина было такое - самому не вдаваться в бедственные обстоятельства. Обстоятельства вызывали сочувствие, требовали содействия, а помочь Осокин не мог. Никто и не представлял себе, как мало, до обидного мало у него было возможностей. Несмотря на шикарный кабинет и секретаршу и прочее, от Осокина мало что зависело. Отказывать - это он мог, тут у него были неограниченные права. А легко ли всегда отказывать? Слышать от людей одни жалобы, просьбы, - к нему же шли только с нуждой и бедствием. Господи, сколько их!

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Лиденцов жаловался ему, а он жаловался Лиденцову. В такой обстановке совсем по иным законам идет разговор. Лиденцовпил коньяк. Он вертел в руке стакан с коньяком, чокаться они не чокались, а время от времени поднимали стаканы, согласно местным обычаям. Осокин убежден, что держался вполне демократично, и даже начало появляться у него что-то вроде жалости. И кто знает, может быть, все пошло бы похорошему, но Лиденцов стал зачем-то напоминать ему про Менделеева, и все приставал – не желает ли Осокин убедиться?

– В чем? – вынужден был спросить Осокин.

Не снимая шапки, Лиденцов каким-то ловким движением вытащил из-под нее бумаги, целую пачку бумаг. Конечно, Осокин полагал, что там всякие отношения из института насчет комнаты.

Странно было, что Лиденцов, вроде бы ученый человек, интеллигент, а не понимал, как невыгодно ему сейчас лезть с делами, бестактность это.

Лиденцов свободной рукой обтер мокрый прилавок, где стояли стаканы, положил перед Осокиным одну бумагу, вторую, еще и еще... Бедное освещение подвала еле пробивалось сквозь дым в их угол.

Осокин взял первую бумагу, всмотрелся. Это был печатный бланк института сверхпроводимости имени С. Лиденцова. Так и стояло синими буквами: имени С. Лиденцова.

Осокину понравилась бумага – тонкая, шершавая, похоже, что тисненая.

Он добродушно хмыкнул Лиденцову:

– Лихо! Лихо придумали.

Лиденцов ответил виноватой улыбкой, взял у Осокина бланк, подал ему следующую бумагу.

В полутьме Осокин с трудом разбирал мелкий шрифт. Несомненно, это была вырезка из журнала. Юбилейная статья с портретом Лиденцова и фотографией института имени Лиденцова сообщала о каких-то новых документах, освещающих деятельность выдающегося ученого прошлого...

Осокин не стал вчитываться, шутка зашла далеко, напечатано типографским шрифтом, сомнений быть не могло: вот еще одна вырезка, другой шрифт, снова портрет Лиденцова. И марка зеленая, почтовая марка с портретом Лиденцова, самая настоящая марка, с зубчиками. К столетию... Осокин поспешил палец, потер рисунок – не смывается.

Тут Осокин взглянул на Лиденцова, потом опять на марку и на вырезки. На всех портретах Лиденцов был чуть старше, чем сейчас, – не то чтобы неудачное изображение, нет, Осокин почувствовал, что на портретах Лиденцов такой, каким еще не был.

Нервы у Осокина были крепкие, и не так-то легко его было сбить с толку.

– Розыгрыш? – понимающе осведомился он. – Покупочка?

Лиденцов грустно помотал головой. Поеживаясь, следил он, как Осокин взял еще одну вырезку с припиленной фотографией. Показалось Осокину или нет, что Лиденцов пристыженно потянулся, словно желая забрать этот документ назад. Осокин отстранил его руку. Заметка была вырезана из газеты наспех, неровно, с краями соседних заметок. Корреспонденция описывала открытие памятника С. Лиденцову, торжественную церемонию, падение покрывала и как перед глазами толпы предстал памятник, своеобразный по своему художественному решению: поскольку он был без пьедестала, фигура ученого висела в воздухе, замысел выражал идею открытия... Осокин пропускал абзацы. Митинг... председатель горсовета, какая-то незнакомая фамилия... "в нашем городе жил и работал"... "мы, земляки"... "слово предоставляется президенту Академии наук", опять совсем неизвестная фамилия... "вписал... Лиденцов... к славе отечественной науки... преобразователь"... Министр присутствовал, и секретарь... и никого из них Осокин не знал. Впервые он

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru читал эти фамилии, никому не известные фамилии. Но это было напечатано в газете, он читал фамилии своими глазами, а газете Осокин привык верить больше, чем любой книге или журналу. На фотографии был памятник, маленькая трибуна, вроде знакомая площадь, лица людей на трибуне – чужие, властные, слишком молодые.

Осокину стало страшновато. Правда, Осокин умел не показывать своих чувств. По его лицу никто ни о чем не мог догадаться. Он давно выработал это необходимейшее качество. И напрасно Лиденцов надеялся. Лиденцов уставился на него не мигая, никакой шутки в глазах его не было, и согласия на шутку там не было. Глаза сквозили, как щели, оттуда тянуло знобящим холодком, что-то там виделось непредусмотренное, совершенно неположенное.

– Так. Далеко вы заехали, дорогой мой, – вкрадчиво сказал Осокин. Он мгновенно подобрался: дело становилось серьезным и следовало вести себя со всей предусмотрительностью. – Пользуетесь типографией? Клише изготовили. Активные у вас методы. Вы на что рассчитываете?

– Вы же сами обещали, я специально... – начал было Лиденцов, но Осокин не позволил себя прервать.

– Вы меня не плюсуйте. По-вашему, у нас там кто? – Он показал глазами вверх. – Новые люди сидеть будут? Откуда, спрашивается, вам их фамилии известны? Кто вам подсказал? Понимаете, чем это пахнет?

Кто-кто, а сам Осокин понимал отлично – лучше всего было избежать скандала и поскорее вывернуться из этой опасной истории. Никаких злых намерений он не имел, на всякий же случай отпор он обязан был дать.

– Провокация, – сказал он. – За такую аферу вас можно...

Лиденцов страдальчески покраснел:

– Вам сколько лет?

– Это еще что? – удивился Осокин. – Вы мне бросьте. Не на того напали. – Он скомкал вырезки, помахал ими перед носом Лиденцова. – Думали меня купить?

Алые пятна пошли по лицу Лиденцова, он стиснул зубы, потянулся к Осокину за бумагами, Осокин убрал руку за спину и засмеялся, ибо уморительно было представить памятник Лиденцову, этот маленький носик уточкой, блестящий и красный, это протертое добела кожаное пальто – и все в бронзе.

– Силен, а? Памятник ему. Вот так! – Смех все пуще разбирал Осокина. Медный всадник! Колоссально!

Губы Лиденцова задрожали, он схватил Осокина за руку, вывернул ее и вырвал бумаги. От боли, от наглости Осокин рассвирепел, отвороты лиденцовского пальто затрещали в его руке. Лиденцов почти ничего не весил, он с легкостью полетел и шлепнулся на пол, в угол. Вскочив, он снова кинулся на Осокина. стакан Осокина зазвенел, разбился. Осокин был много сильнее Лиденцова, он мог разделить его, как бог черепаху, дух из него вышибить. Ничтожество. Речи о нем будут держать.

Конечно, симпатии присутствующих были на стороне Осокина. Налицо было явное хулиганство. Осокин вынужден был защищаться. И когда появилась милиция, Лиденцова сразу определили как нарушителя.

И забрали его. Тем более, что в паспорте у него не было прописки. И он был пьян. И все лез к Осокину.

Для восстановления душевного равновесия Осокин принял еще сто граммов коньяка. Уборщица смела осколки, подняла залитую вином фотографию, подала Осокину. Это была отдельная фотография площади с памятником Лиденцову, отлично исполненная фотография. Осокин сунул ее в карман, на всякий случай, как вещественное доказательство.

Назавтра звонили из милиции, Осокин сказал свое мнение: аферист и вообще не мешало бы, чтобы общественные организации в институте занялись им. Со своей стороны Осокин приказал снять его с очереди, как не имеющего прописки.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Больше о Лиденцове он ничего не слышал. Об этой истории он старался не вспоминать. Как-то, услышав о телепатии, он отнес все случившееся за счет телепатии, гипноза и прочих штук и окончательно успокоился.

III

Вечер никак не мог наступить. Н-ебо темнело, а на улицах все сохранялся закатный свет, – блестели окна, было видно отчетливо далеко. Осокин вышел на Морскую площадь, и там стало еще светлее. Стены новой гостиницы сияли голубоватым металлом и прозрачным пластиком. Стекла тоже были голубоватые, цвета морской воды, и плавные линии здания застыли в вышине, как штормовая черноморская волна.

Гостиницу Осокин видел впервые: за последние годы в своих прогулках он не заглядывал в этот район. Ничего не скажешь – красиво. Он попробовал вспомнить, что же стояло прежде на месте гостиницы, и не мог. Что-то мешало ему, как будто площадь в нынешнем своем виде была ему уже знакома. Особенно здание новой гостиницы. Разглядывая, он словно узнавал ее, хотя для него было открытием, что она голубая.

Дома перед сном Осокин присел к письменному столу, пытаясь что-то вспомнить. Рассеянно выдвигал один за другим ящики, развязывал папки. Там лежали старые грамоты, блокноты, мандаты на конференции, пропуска, акты приема – сдачи дел, многого он уже не помнил и удивлялся тому, что, оказывается, когда-то он делал доклад на всесоюзном совещании и были отпечатаны тезисы. Он перебирал папку за папкой, не понимая, чего он ищет.

Посреди ночи он проснулся, зажег свет, кряхтя полез в нижний ящик стола. Было чудом, что фотография сохранилась. Вероятно, он тогда спрятал ее в конверге в сейф.

Он не слышал, как в кабинет вошла жена. Он сидел в пижаме на ковре, покачиваясь взад-вперед, похожий на Будду. Не слыша, пустыми глазами он смотрел на нее, затем протянул фотографию:

– Узнаешь?

Она пошла за очками, долго вглядывалась:

– Кажется, Морская... Новая гостиница, а тут не знаю...

– Дура, – сказал он. – Этой фотографии лет сорок. Помнишь, я тебе рассказывал?

Она сняла очки, глаза ее стали большими, испуганными. И он вспомнил, что рассказывал не ей, а покойнице, первой своей жене.

– Ну, иди, иди, – сказал он. – Я лягу.

Утром он поехал на Морскую площадь. Держа перед собой фотографию, он ходил по площади, ища точку, откуда сделали снимок. Справа от гостиницы стоял двубашенный особнячок, на снимке он тоже был виден. Осокин зашел так, чтобы выступ гостиницы совместился с краем башенки особняка, и принялся сличать. Гостиница полностью соответствовала гостинице на снимке, совпал барельеф на цоколе, совпал поворот тротуара и фонари. На снимке виднелись фигурки людей, шел дождь, блестела мостовая. Тяжело опираясь на палку, Осокин немного походил, чтобы успокоиться. В конце концов совпала только часть снимка с гостиницей, памятника-то не существовало. На снимке памятник Лиденцову находился как бы под раковиной, и за ним была ниша, глубокий выем в легком стеклянном здании, похожем на кристалл. Здания этого тоже в натуре не было. Слева от гостиницы стоял облупленный дом с аптекой и рыбным магазином, на тротуаре в талом снегу лежали серебристые штабеля оград. Чем больше Осокин приглядывался, тем более странным казался этот старый дом: витрины рыбного магазина были пыльные, темные, в аптеке тоже было темно. Он подошел поближе. В подворотне что-то мерили рулеткой два техника.

– Ремонт? – спросил Осокин.

– Сносить, папаша, будем, – ответили они, – до основания.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

И тут Осокин увидел, что дом пуст, рамы вынуты, в подворотне лежали снятые двери, старинные двери с длинными таблицами звонков, со множеством почтовых ящиков.

- Что ж тут будет? - спросил Осокин.

Здание строить собираются, а какое именно - техники не знали. Они посоветовали обратиться в Архитектурное управление. Осокин поехал туда. Довольно быстро он добился того, что ему было нужно, хотя он и не мог бы объяснить, зачем ему это было нужно. Но он ничего не объяснял, он умел разговаривать внушительно и уклончиво. Необходимо ознакомиться с проектом реконструкции Морской площади. "Нужно, и всё", - значительно повторял он. И это действовало.

Руководителем проекта оказался Мурзин - крепкий бритоголовый парень в темных очках. Он сидел на столе, окруженный своими архитекторами, такими же, как он, загорелыми, молодыми, в золотистых свитерах. Они холодно разглядывали запыхавшегося грузного старика с редкими волосами, в узких брючках и в туфлях из настоящей кожи.

- Что случилось? - спросил Мурзин.

- Вам звонили? Где проект?

- Вы успокойтесь; - сказала одна из девиц. - Вы садитесь.

Мурзин раскурил старенькую трубку.

- Вы кто? - спросил он. - Вы древний грек?

- Почему? - не понял Осокин.

- Только древних греков так волновала архитектура.

- Ладно, это мы еще увидим, кто грек, - сказал Осокин.

- Леночка, - сказал Мурзин, - покажи товарищу пенсионеру проект.

- Минуточку. - Осокин поднял сухой палец. - Напрасно вы избегаете. Тут могут быть особые обстоятельства.

Их оставили одних в застекленном, как веранда, кабинетике, Мурзин расставил на полу эскизы. Он заметил, как старик прижмурился, словно собираясь с духом, в руках его вздрагивала какая-то фотография, он разглядывал эскиз, потом фотографию, снова эскиз и наконец шумно, обрадованно вздохнул:

- Ну, спасибо. Большое вам человеческое спасибо!

- За что?

- Самостоятельный у вас проект. Рентабельный. Осокин вытер платком лоб, глаза. - Вы молодец. Сразу видно - одаренный человек.

Старик растроганно потряс ему руку, и Мурзин несколько смягчился. Это был тот период его жизни, когда он искал похвал, любил их и полушутя признавался, что тот, кому нравятся его проекты, - тот и есть хороший человек.

- Памятник тут у вас не предусмотрен? - осведомился Осокин.

- Кому памятник?

- А если и будут ставить, - успокоенно продолжал Осокин, - то какому-нибудь мореплавателю, верно? Площадь-то Морская?

- С чего вы взяли памятник? На площади и места нет.

- Вот именно, - подхватил Осокин. - Нет там места. Ваш проект исключает. Аннулирует.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Мурзин забавлялся горячностью старика, но, когда Осокин стал допытываться, утвержден ли проект, и кем, и полностью ли, Мурзин насторожился.

- Собственно, вам-то что? - грубовато спросил он. Тогда Осокин со значением положил перед ним фотографию. Мурзин повертел ее, бросил на стол:

- Ну и что? Это давно известно.

Осокин вздрогнул:

- Как?

- Мы это обсуждали.

- Кто?.. Почему?

- Так это ж киселевский вариант. Вы что, не знаете?

- Не-ет.

- Его отвергли. Конструктивно, ничего не скажешь, но сухогато. И, пожалуй, старомодно.

- Выходит, это фотография проекта? Так, по-вашему?

- А вы думали, - сказал Мурзин. - Последний ва

риант проекта... Простите, - он выразительно посмотрел на часы, но Осокин не шелохнулся. - Я тороплюсь.

- А между прочим, - ровным голосом сказал Осокин, - снимок этот я получил сорок лет назад.

- Надо же! - вяло удивился Мурзин.

- ...когда еще гостиницы не было. А она заснята. Площадь тогда называлась Петровской. А здесь уже Морская площадь. Вот вам и греки. Если не верите посмотрите как следует. Фотографию. Там ведь люди ходят.

- Комбинированная съемка, - сказал Мурзин. Монтаж. Это применяется.

- Может, и комбинированная, но откуда он знал?

- Кто он?

Происшествие с неким Лиденцовым воспринято было Мурзиным в тот, первый раз как забавный, правда, чересчур длинный, анекдот. Все это произошло слишком давно, до рождения Мурзина, и вызывало не больше чем любопытство. Те времена, пока Мурзина не было, казались уже одним этим странными и сказочными. Они спрессовались с эпохами, когда жили ведьмы, искали снежного человека, топили дровами...

В дверь поминутно заглядывали, солнце светило в огромное окно, и серьезность Осокина казалась Мурзину уморительной. Единственное, что несколько озадачивало, - это подробности, вроде красных струпов или золотистой шапки. Детали были слишком нелепые, невыгодные для розыгрыша. Может и так быть, что история не выдумана, - Лиденцов существовал на самом деле и сумел изрядно заморочить голову этому старикану.

- Мистификатор. И талантливый, - сказал Мурзин. - Известны такие. Граф Калиостро, например. Еще кто-то, не помню сейчас. В наше время вряд ли можно производить подобные фокусы... - И он проницательно усмехнулся.

Однако Осокин не принял усмешки. Он не понимал, почему Мурзину не страшно. Он почувствовал, что еще немного - и его примут за психа, ему нечем было доказать и убедить; что бы он ни приводил, на кого бы ни ссылался - ему не поверят, и чем точнее он рассказывал бы, тем было бы хуже. Их разделяла толстая стена времени. Через нее было невозможно докричаться, достучаться.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Сколько вам лет? - спросил Осокин.

Мурзин сунул руки в карманы, покачался на носках:

- Кажется, я выполнил все ваши просьбы? Спасибо за вашу историю и за лестные отзывы о моем проекте. Цель вашего посещения осталась мне неясной, но, как сказал Байрон, прощай, и если навсегда, то навсегда прощай.

- Конечно, у меня теперь нет прав, э устало произнес Осокин, - но учтите, моя жизнь прошла на ответственной работе. Мы за каждое слово головой отвечали. Каждое слово обдумывали. И если уж я информирую... Не такие, как вы, прислушивались. - Он направился к двери, палка, несмотря на бесшумный синтетический ковер, стучала.

У дверей Осокин обернулся, прижмурил морщинистое желтое веко.

- Вы уверены?

- В чем?

- Что проект ваш будет проведен в жизнь?

- Так он фактически утвержден.

- Я вам- советую - проследите осуществление на всех этапах. Я вам добра желаю.

- Оревуар, - сказал Мурзин. - Чао. Нам повезло, что такой человек посетил нашу мастерскую.

Но тут из оплывшего лица Осокина посмотрело на него такое жесткое четырехугольное, что Мурзин запнулся.

IV

Очевидно, Осокин насторожился, заметив у батареи человеческую фигуру. В подъезде было темновато, Осокин остановился.

- Чего, струхнули? Ах, Матвей Евсеевич, вы же ясновидец.

На это Осокин ничего не ответил.

- Вы же прорицатель. Пророк. А чего пророку бояться? Пророк - он обязан все знать наперед. Вам же все известно. Вы все можете предсказать. И меня можете предсказать. Можете? Все, что со мной случится, а? Авгур. Теософ.

- Гражданин; вы не безобразничайте, - сказал Осокин.

- Это вы безобразничаете! Вы!

Осокин всмотрелся:

- А-а, Мурзин! Чего это с вами?

И Осокин покачал головой, поскольку Мурзин был чуть выпивши, но, может быть, он покачал потому, что Мурзин действительно выглядел неважно, - за последние два дня он осунулся, в голове у него была полная неразбериха, под глазами темные пятна.

- Проектик-то мой... того... забодали, - сказал Мурзин. - Вашими молитвами, Матвей Евсеевич. Добились? Ну, что молчите? Зачем вам это было нужно?

- Значит... Значит...

Осокин так и застыл, пришлось взять его за отвороты пальто, трясти, втолковывать... Он, оказался рыхлым и легким, как мешок с трухой, голова его болталась, глаза выпучились, отупелые, немигающие. Мурзин с отчаяньем пихнул его:

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Объясните вы наконец, вам-то какая выгода?

Не отвечая, Осокин побрел к лестнице, опустился на ступеньку. Мурзин брезгливо разглядывал его: вместо пророка перед ним горбился, держась за сердце, перепуганный ветхий старикан. Стоило ли томиться, ожидая его, на что-то надеяться, узнавать имя, отчество, адрес. Стыдно было вспомнить свои переживания. При ближайшем рассмотрении этот несчастный старик всего лишь попал в случайное и несчастное стечение обстоятельств, ничего другого и быть не могло.

Тут Осокин тяжело поднял голову и спросил: чей же проект принят?

- В том-то и дело, кажется, что Киселевский, сказал Мурзин, - тот самый вариант, что на вашей фотографии, его предпочли. - От своих слов Мурзин снова расстроился: - Чего вы спрашиваете, это же ваши штучки.

Осокин сжался, словно в страхе, и сказал с отчаяньем:

- Вы что, не понимаете? Я же вас предупреждал.

- О чем? Вы можете толково сказать - о чем?

- Надо было действовать. Вы сделали что-нибудь?

Мурзин пожал плечами.

- Не поверили, - злорадно сказал Осокин.

- А чему верить?

Он вдруг наткнулся на глаза Осокина, из которых несло холодом и тьмой. И Мурзина охватило сомнение - а что, если б он прислушался, среагировал, проследил, - кто знает...

- Чушь собачья. Бред, - сказал он. К нему возвращалась обычная уверенность. Поскольку старец ни при чем, значит действует статистическая закономерность, а может и динамическая.

- Опять себя успокаиваете, - сказал Осокин. - Опять размагничиваетесь.

- А вы слышали, Матвей Евсеевич, что такое вероятностный процесс?

- Не морочьте себе голову, - слабо, но твердо сказал Осокин. - Вы лучше доложите, как там комиссия сформулировала. Кто там первый заикнулся? С чего началось?

Он выяснял - кто и что сказал, как себя вел председатель, от кого что зависит. Слушая Мурзина, он мелко кивал, кряхтел, что-то обдумывая.

- Ничего, мы еще кое-что пустим в ход, - пробормотал Осокин. Безобразие, такой проект отклонить. Мурзин иронически спросил:

- Чем же вам не нравится проект Киселева? Композиция не устраивает?

- Плевал я на композицию, - сказал Осокин. - Гостиницу построили, и. этот, киселевский, дом могут построить, если не уследить.

Нелепая убежденность Осокина, как ни странно, подействовала на Мурзина.

- Вы положитесь на меня. - Осокин поднялся, словно взбодренный опасностью или угрозой. - Я добьюсь. Не таких, как Лиденцов, перестраивали...

Жаль, что Мурзин при встречах с Осокиным довольствовался ролью слушателя. - В дальнейшем выяснилось, что именно с Мурзиным Осокин был наиболее откровенен, и тем не менее Мурзин не задавал самых естественных вопросов, у него всегда возникало желание скорее отвязаться, уйти.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Он боялся, что позволил затянуть себя слишком далеко в эту абсурдную историю.

Предчувствия не обманули его. Спустя несколько дней проект затребовали на пересмотр. Как видно, Осокин пустил в ход свои связи. Экспертная комиссия мудрила и так и этак и наконец предложила учесть некоторые пожелания. Переделки были довольно принципиальные, и Мурзин наотрез отказался. Приехал Осокин, озабоченный, помолодевший, рассказал, скольких усилий ему стоило склонить начальство вернуться к проекту Мурзина, уже всё на мази, со всеми обговорено.

- Да вы представляете, что они требуют? - рассвирепел Мурзин. Упростить силуэт! Что же остается?

Осокин обмахивался соломенной шляпой. Одутловатое лицо его лаково блестело.

- Надо уметь поступаться личным.

- Чего ради?

- Ради общества. Я вам рассказывал - Лиденцова надо прекратить в самом начале. В ваших же интересах. Но вы хотите, чтобы другие, и задаром. Так не бывает. Все б себе привыкли. И так я за вас хожу, шапку ломаю - в мои-то годы! Мало того, что проворонили...

Но тут Осокин недобрительно покосился на стеклянные стены конторки и попросил Мурзина спуститься с ним вниз. По дороге Осокин крепко держал его за руку, они зашли в кафе, где было шумно илюдно.

- Послушайте, вы никому не болтали? - тихо спросил Осокин.

- Чтобы меня сочли - того? - Мурзин повертел пальцем у виска.

- У меня такое чувство, что им откуда-то известно. Больно они подстраховываются. Из Москвы им звонок был и все равно тянут и тянут. Не настучал ли им кто?

Позднее Мурзин признался, что на него подействовало в Осокине, убежденность. Даже когда Осокин говорил о хитростях невидимого противника, это почему-то не казалось смешным.

- Не покажете ли вы мне еще раз ту фотографию, - вдруг попросил Мурзин. Он полагал, что Осокин засуетится: забыл, потерял, украли. Но Осокин как будто ждал этого и спокойно вынул фотографию из бумажника.

Мурзин взялся за нее недоверчиво. Высмеял памятник, - к сожалению, невозможно было на снимке различить физиономию этого Лиденцова, до чего самоуверенный тип - так мнить о себе, а главное, о своем будущем. Неужели подобное самомнение помогает? - вот что было любопытно Мурзину. Помогает терпеть, надеяться или работать?

Он хотел позабавиться и спросить, понравился ли памятник самому Лиденцову, но не спросил, потому что впился глазами в здание позади памятника, в этот Киселевский кристалл.

Постепенно Мурзин уходил все дальше, туда, на Морскую площадь, выученную им наизусть; правда, на нынешней площади не было этих деревьев, и газонов, и мостовых, по которым мчались какие-то диковинные автомашины. Мурзина несколько не удивлял фон, - в архитектурных журналах стало модно подавать проекты на так называемом "колажированном" фоне; здание, киселевский кристалл - вот что заставило его замереть. Перед ним был не проект и не макет. Здание было сделано из камня. На стенах кое-где выступали подтеки. Не тени, не ретушь, а копоть скопилась в орнаменте цоколя. Стекла блестели по-разному - омытые и пыльные, занавески выдвигались из раскрытых окон. Он ощущал присутствие людей внутри, за этими стенами. Всем своим опытом архитектора он чувствовал, что здание это существовало. Оно стояло, и уже не первый год, на Морской, площади, на том самом месте, где сейчас готовили к сносу старый дом для его, Мурзина, проекта...

Беда Мурзина, как он потом признавался, заключалась в том, что для него не было разницы между необычным и невозможным. Его всегда учили обычному, он не был готов к чуду, он не знал, как обращаться с необычным, легче всего было

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru отвергнуть его как невозможное. Он вертел фотографию и так и этак, надеясь на подвох. Подвоха не было. Там, где должен был стоять его проект, его дом, построили скучный киселевский кристалл без особой выдумки и чувства. Почему? Как это случилось? По какому праву?

От стыда и оскорбления у него пересохло во рту.

Он запомнил мельчайшие подробности той минуты блеклые винные следы на фотографии, песенку, которую мурлыкали на телеэкране две пышные девицы, до сих пор у него в памяти звучит этот ерундовый липкий мотивчик.

Ярость его обратилась на Лиденцова – с какой стати кто-то там из древнего прошлого командует его, Мурзина, судьбой? Год с лишним работы, может, один из лучших его проектов – и пожалуйста, псу под хвост из-за того, что какой-то тщеславный сукин сын желает установить себе памятник.

– Вот именно, – подтвердил Осокин, – этого нельзя допускать.

Мурзин стукнул кулаком по столу:

– Ваш Лиденцов авантюрист!

Он поносил Лиденцова последними словами, но вскоре опомнился.

– Вы старый человек, а в такую глупость верите.

Это же идиотство. Невежество! – он потряс карточкой перед носом Осокина. – Форменное идиотство. Какойто шарлатан вас околпачил, а вы...

Парни у стойки оглянулись на них. Осокин спокой

но следил за Мурзиным, потом чему-то улыбнулся.

– и более того, – сказал он, – я сразу определил это как провокацию. Поэтому и надо бороться.

То, что он говорил, было нелогично, глупо, но Мурзин жадно слушал его.

– Иначе он поставит на своем. Тут главное не поддаваться и не философствовать.

Мурзин выпил коньяку, помотал головой, словно пытаясь прийти в себя

– Нет, давайте все же разберемся. Допустим, фото – факт. И ваш рассказ факт. Лиденцов достоин памятника. Киселевский дом будет построен. Какой же смысл сопротивляться? И этично ли это? Если признавать Лиденцова, тогда не следует бороться. А если не верить, тогда и не признавать, тогда опять же незачем бороться.

Осокин смотрел на него с жалостью:

– Я же говорил вам – нельзя тут нам философию разводить. Боевитости вам не хватает. Вы что же, собираетесь сидеть сложа ручки? Поощрять...

– Подождите. – Мурзина вдруг охватило подозрение. – А вам-то что? Лично вам что плохого Лиденцов сделал?

– А чего он мне мог сделать? – Осокин прищурился. Он сидел прямо, смотря в даль.

– От таких, как он, я не зависел. Я ему мог сделать, это да. А я либеральничал. В итоге вишь он как... Мне понятно, к чему идет дело. Тень положить, охаять, переоценить. Вот, мол, не признавали. Не те люди стояли...

Мурзин с трудом разбирался в его намеках, обидах, угрозах, однако он чувствовал, что старик намерен бороться, как говорится, насмерть. При этом Осокин подавлял его непоколебимой убежденностью в том, что все можно отменить, подчинить, исправить – и теорию вероятностей, и физику, и будущее, – в сущности, он брался переделывать и прошлое.

– Надо бороться, – твердил Осокин. – Подумаешь – переделки! Важно в принципе

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
вскрыть его подоплеку.

- Между прочим, он жив?

- Не думаю... - Осокин чего-то не договорил, и на Мурзина вдруг дохнуло холодом. Он выпил коньяк, поежился.

- Сложное было время, - сказал Осокин, - счастье трудных дорог и так далее. И параллельно всякие разочарования, разоблачения. В таких условиях необходима твердость. Порядок должен быть. Представляете. если каждому позволить фотографировать то, что фактически не осуществлено? - Осокин уставил палец на Мурзина. - Мало ли у кого какое будущее? А если разгласить, тогда что получится?

Слова Осокина пробуждали в душе Мурзина что-то тягостное, возможно слышанное в детстве. Прошое, откуда явился Осокин, имело свою силу, и старик обладал ею, темной, загадочной, понятной лишь своей враждебностью к Лиденцову.

До этого времени у Мурзина еще не было врагов.

Жизнь его складывалась легко, талант - прекрасная штука - избавлял его от необходимости над чем-либо задумываться. И когда перед ним появилось препятствие, он возмущился, жажда одолеть его любыми средствами.

Он сделал поправки. Проект снова рассматривался комиссией, вызвал разногласия, перешел в следующую комиссию, которая предложила новые поправки. Как Мурзин ни посмеивался над собой, он начинал ощущать присутствие какого-то невидимого противника, и азарт странного поединка все более втягивал его.

Все чаще он думал о Лиденцове, воображал себе его; облик Лиденцова складывался почему-то грустнospoкойным, с глубокими впалыми глазами, в старинном сюртуке. Мурзину захотелось узнать подробности о жизни Лиденцова, и он обратился к знакомым физикам. Ответ задерживался, физики наводили справки и наконец сообщили, что о Лиденцове никому ничего не известно. Сколько-нибудь крупного физика с такой фамилией нет и не было.

В первую минуту Мурзин даже не поверил. Он ожидал чего угодно, кроме этого. Не может быть, - он не мог прийти в себя. Попался, влип, как последний идиот, уши развесил. Выходит, Осокин облапошил, обвел его, как сопляка. Собственно, он никогда до конца не верил Осокину. Не верил, а слушался...

Он позвонил Осокину и потребовал немедленно приехать. Такой у него был голос, что Осокин даже не посмел ни о чем расспрашивать. Мурзин повесил трубку и подумал: а какой интерес Осокину стараться, чего ради? Но тут же забыл об Осокине, сейчас было не до него. Со стеллажей достал первый, основной вариант своего проекта и поставил рядом с последним эскизом.

Он сам не помнил, сколько времени сидел, стиснув голову руками. Перед ним была наглядная картина его падения, позора, трусости...

Осокин потряс его за плечо.

- Ах, это вы, Матвей Евсеевич. - Мурзин потер ладонями лицо, встал, движения его были медленные, тяжелые. - Памятника Лиденцову не будет. Не беспокойтесь. Поскольку нет натуры. Лепить не с кого.

В ваше время, может, и ставили памятники мнимым лицам. А у нас сейчас требуется хоть справочка. Ничего не понимаете? Ах вы, бедняжка! - Он не торопясь, со вкусом поиздевался над Осокиным.

Но вот что замечательно. Осокин нисколько не обиделся, не расстроился, наоборот - Осокин возликовал, хлопнул себя по коленкам.

- Так это же прекрасно! Я так и знал. Наша взяла.

Он самозванец. Аферист он. Я вам говорил, что ничего у него не выйдет. Не должно быть такого проникновения. А раз у него прав нет, так вообще полный порядок.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Мурзин подошел к последнему своему эскизу, стоящему на полу, ткнул его ногой, картон зазвенел. Мурзин наступил на него, переломил и стал тяжело мять и топтать ногами.

- Что вы делаете? Зачем? - испугался Осокин. - Уже все согласовано.

- Не будет никаких переделок! Не было никаких переделок! Ничего не было. Лиденцова не было. И вас не было.

- Мальчишка... Истерик вы и хлюпик, - жестко, с привычной уверенностью сказал Осокин. - Чего вы добьетесь?

Из глаз Осокина тянуло холодом, но Мурзин впервые выдержал его взгляд.

- А вы знаете, что Лиденцов был. Это он меня научил. Делать, а не подделываться. Делать то здание, которое должно быть построено, а не то, которое построят.

Мурзин помнил, что слова его не произвели на Осокина впечатления, скорее всего он не понял, что хотел сказать Мурзин, и хотя Мурзин был доволен собой, в глубине души он испытывал разочарование. Злоключения с проектом Морской площади имели в себе какую-то тайну, происходило что-то особенное, чудесное, - так ему начинало казаться. Теперь же ореол исключительности исчез. И фотографию, конечно, физики сумеют разобрать по всем законам оптики, объяснить и доказать. Все стало на свои места. Но вкус несостоявшегося чуда оставался.

До сих пор он ощущает его.

v

Между тем Осокину во что бы то ни стало хотелось услышать ответ физиков своими ушами. Он отправился в институт, и физики подтвердили, что ни о каком Лиденцове не знают, не проходили, в учебниках не встречали. И вообще ссылок на него нет.

- А именно по количеству ссылок в литературе следует судить об ученом, - втолковывал Лева Туманович.

Они разговаривали с Осокиным терпеливо, как с больным. Поведение Осокина, с их точки зрения, было алогично: он настырно допытывался, переспрашивал про своего Лиденцова и все более радовался тому, что ничего узнать о нем не может.

Добросовестности ради он пробовал показать им фотографию. Над ней посмеялись. Это окончательно умилило Осокина. Он сиял. В эти минуты его следовало заснять. У Левы была под рукой кинокамера. Цены бы не было кадрам, изображающим, как Осокин осматривал лабораторию. Он впервые был в лаборатории. На голубых стендах скользили световые стрелки, тикали самописцы, мерцали экраны, над цветными сплетениями проводов колдовали люди в кремовых халатах.

Осокин осторожно трогал приборы руками, подмигивал, ему было весело, как будто он смотрел картинки из научно-фантастических романов, которые читал в молодости.

Известная документальная кинокартина, которую сделали сами физики, "Белая королева" начиналась с момента прихода в лабораторию завотдела Кузина. Примерно так оно и было. Кузин зашел случайно и случайно услышал разговор про Лиденцова. Кузин отличался от своих сотрудников прежде всего возрастом. И Туманович и Маркин были в те времена постыдно юны.

Кузин должен был показаться Осокину существом нездешним, - Кузин не обладал объемом, у него был только профиль, короткие седые волосы его стояли дыбом и при разговоре шевелились. Решительность его юнцов слегка рассердила его. В науке забвение еще ничего не означало. Кузин не торопился с ответом. Он спросил - у кого работал Лиденцов, что это был за институт.

- Полуянов?... Полуянов?... - повторял он, закатив глаза.

Осокин подсказал укоризненно:

- Академик Полуянов... действительный член...

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Что-то было такое... что-то несущественное.

- То есть как несущественное?

- Кажется, этот Полуянов отличался невежеством. Была какая-то история...

Осокин изумился тому, как быстро проходит слава. Если уж Полуянов забыт, где уж такой мелюзге, как Лиденцов, сохраниться. А ведь какие претензии были у этого Лиденцова. И он не мог удержаться от удовольствия рассказать физикам о Лиденцове, о Менделееве, о памятнике...

- Позвольте, как вы сказали - Ляхницкий? - вдруг встрепенулся Кузин и зашевелил своими белыми волосами.

- Ляхницкий! - воскликнул Маркин. - Чего ж вы молчали? Это же совсем иной уровень.

Они долго твердили - Ляхницкий! Ляхницкий! - и попросили в ближайшие дни позвонить к ним, справиться.

Но Осокин не позвонил, уверенный в окончательном посрамлении Лиденцова. К счастью, Кузин проявил настойчивость. Примерно через месяц Осокина разыекали и уговорили приехать в институт. В вестибюле его встретил сам Кузин и повел по главной лестнице прямо в директорский кабинет. Секретарша принесла кофе, на беседе присутствовали Кузин, оба его сотрудника и директор института.

Без подробностей и оценок директор сообщил, что удалось найти некоторые любопытные материалы о Лиденцове, однако их пока мало, чтобы судить о характере его последних работ; не поможет ли Матвей Евсеевич Осокин уточнить кое-какие обстоятельства.

- Сколько угодно, - сказал Осокин, - я рад способствовать прогрессу. Рано или поздно наука должна восторжествовать. Это закон развития. Наука враг суеверия и мракобесия.

Физики были деловые люди, больше всего они ценили время, мнение Осокина о науке их не занимало. Почтительно, но твердо они всякий раз возвращали Осокина к истории с Лиденцовым. Выслушав про обе встречи, они стали подробно расспрашивать: над чем работал Лиденцов, что он рассказывал про свои работы, на какой стадии они находились. Ничего этого Осокин не помнил, сверхпроводимость он путал с полупроводниками, молекулы с атомами и чувствовал себя виновато, тем более что ученые ждали каждого его слова. Поэтому Осокин согласился провести сеанс стимуляции памяти.

Стимуляция производилась на модели "СТП-сигма", и в кинофильме почти полностью приведена эта уникальная запись

Ему приставили к затылку и вискам множество тоненьких электродов, подключили поле, приборы, он выпил какую-то жидкость вроде шипучки, заработал ритмофон, голос Осокина замедлился, глаза потускнели; полулежа в специальном кресле, он смотрел вверх на обтянутый серой синтетикой потолок и вспоминал, иногда оживлялся, показывал пальцем, может, на Лиденцова, голос его крепнул, - может быть, Осокин не только вновь переживал, но и видел свои воспоминания, при стимуляции это у каждого бывает по-своему. Несколько раз Осокин умолкал, приборы регистрировали так называемый "тормозной эффект", - он явно избегал вспоминать какие-то моменты, на пленке они просматриваются темными, четко очерченными пятнами.

В перерыве Осокин полушутя-полусерьезно сказал, что боится, как бы этими электродами не высосали из него то, чего он не хочет. Ему объяснили, что все записи будут вручены ему и уже он волен вручить их или не вручить институту. Сеанс продолжался час, затем после перерыва еще двадцать пять минут.

Бледный, измученный Осокин, полулежа в кресле, недовольно оглядывал окружающее, во взгляде его словно сохранялся отблеск вновь пережитой власти. Несколько торжественно он передал катушки записей директору института. Теперь, когда Осокину вспомнилось все до малейших подробностей и жалкий вид Лиденцова, и его

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru лепет, его пальто, добела протертое в швах, было ясно, что ничего серьезного, или, как он выразился, "ничего самостоятельного" этот Лиденцов представлять из себя не мог. Непонятно было одно – почему Лиденцов. выглядел так молодо, он оказался куда моложе, чем помнился Осокину. От этого поведение Лиденцова получалось еще более наглым.

Физики ушли к доске, рисовали там схемы своих молекул, обсуждали каждое слово Осокина, толковали и так и этак. Обрамленные непонятными терминами слова его повторялись разными голосами и становились многозначительными, как когда-то.

Прошлое, которое только что промелькнуло перед ним, – манило, Осокин хотел вернуться туда, там он все знал и его все знали. Он не понимал, как он очутился здесь и что это за люди, когда это все произошло. Нет, ему надо назад, туда, в тот свой кабинет. Но в том-то и дело, что после того кабинета были другие кабинеты, – он знал свое будущее... И тут Осокин сообразил, понял все, понял, почему Лиденцов показался ему таким молодым.

Значит, эти люди в кремовых халатах и есть настоящее, и ему невозможно избавиться от них, вернуться в свой кабинет. Мелкие теплые слезы катились по его щекам. Он ненавидел свою старость, даже в ихнем стимуляторе он не мог увидеть себя молодым; какого-то Лиденцова мог, и свою секретаршу мог, а себя не мог.

Хорошо, что никто не смотрел на него, физики стучали мелом, их занимало – успел или не успел Лиденцов получить вещество со сверхпроводимостью при комнатной температуре.

Туманович в отчаянье тискал свою лысую голову:

– Обрыв на самом решающем месте. Надо же, как в пошлом детективе. На чем остановился Лиденцов?

– Во всяком случае, он обогнал нас, – растерянно сказал Кузин.

– А считалось, что модель предложил Ляхницкий, – сказал Маркин.

– Вернее, ему приписывали, – поправил директор. – Видите, имя Лиденцова вычеркнуто.

Он листал какие-то старые отчеты.

– Братцы, наша-то схема переноса – лиденцовская! – воскликнул Маркин. – Мы сколько с ней мыкались... если бы знать! Но он-то, как он сумел, с тогдашним оборудованием?!

– Он через свою модель. Самыми элементарными средствами, – сказал Туманович. – Самыми первобытными. Как Фарадей. Поразительно!

– Я же вас предупреждал, – сказал директор. Слишком много тратите.

Все, кроме Кузина, засмеялись.

– Нет, серьезно, – сказал директор. – Наука стала очень жирной. От этого неповоротливой, неизобретательной.

Кузин заявил, что, очевидно, направление работ, избранное им, Кузиным, неверно, оно приведет их в тупик, надо идти с того бока, откуда шел Лиденцов, и пользоваться его молекулой. Потом он признался, что это были нелегкие минуты, он восхищался Лиденцовым и проклинал его.

– Не заметили! Как же мы не заметили такой простой ход? – убивался Маркин.

Кузин знал, какой ценой достигается подобная простота, – но он не стал говорить, он чувствовал себя виноватым.

– Ни черта у нас не осталось, кроме ошибок, сказал он. – Все наши достижения превратились в ошибки.

Они были смущены и растеряны. Кузину было хуже всех, и все же он не мог

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru удержаться от восторга:

- Ну и сукин сын этот Лиденцов, как он умудрился обогнать нас! Сколько он успел!
- Как будто он подсмотрел наши работы, - сказал кто-то.

Кузин озадаченно пошевелил волосами.

- Это имело бы резон, если бы наши направления совпадали, - совершенно серьезно сказал он. - Однако мы исходили из совсем иных данных.

- Ничего удивительного. Лиденцов стоял у истока, ему было виднее.

...Голоса их доносились к Осокину невнятно, единственное, что он понимал, - быстро растущую уважительность к Лиденцову. Они объясняли Лиденцова, ссылались на Лиденцова, изумлялись Лиденцову, как будто и не было недавних смешков. Фигура Лиденцова росла, обретала авторитет, уже мелькало, как само собой разумеющееся: "критерии Лиденцова", "молекула Лиденцова", "идея Лиденцова".

Осокин подозревал директора, наиболее из них понятного, и спросил о памятнике. Директор успокоил его: памятник, конечно, преувеличение. А в таких делах преувеличение вредно: когда замечают преувеличение, то начинают подозревать и истину... Но тут его перебили: дело, конечно, не в памятнике, однако, если подтвердится насчет модели молекулы и если найдутся последние работы Лиденцова, то они войдут в историю физики.

- Мало ли кому памятники ставят! - выкрикнул Лева Туманович.

Осокин запоминающе осмотрел этого лысого юнца:

- Кого вы имеете в виду?

И все строго покачали головами, а директор отобрал у Левы мел.

- Господи, при чем тут памятник? - удивился Кузин. - Кого интересует памятник?
- Товарища Осокина интересует, Матвея Евсеевича! - крикнул Лева. - Это он настаивает.

Тогда Осокин начал выпрямляться в кресле.

- Наоборот! - сказал он. - Как раз в другом смысле. - И достал фотографию. На этот раз фотографию взял Кузин и надолго замер над ней, грызя ноготь. Как во сне, он сделал несколько шагов, волосы на голове его зашевелились.

- Магнит! - вздрагивающим голосом произнес он.

Его обступили, нависли над фотографией.

- Непроницаемый... вытесняет... диамагнетизм!.. Отрицательная проницаемость! - выпаливал Кузин.

- Теперь ясно: поддерживается своим полем.

- Магнитная подушка.

- Какая красота!

Фигура Лиденцова висела перед ними в воздухе без постамента, и они начинали понимать все, что с этим связано, и блаженствовали.

Кузин подбежал к Осокину:

- Вы не обратили внимания, Матвей Евсеевич, из чего был сделан круг, который на земле? Материал блестел? А низ фигуры? - Кузин умоляюще засматривал в липо Осокину. - Пожалуйста, Матвей Евсеевич, дорогой, припомните.

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Не заметил, – машинально ответил Осокин и тут же опомнился, отшатнулся. – Не было никакого памятника, о чем вы говорите, не было его!

– Как жаль, как жаль, – расстроено сказал Кузин. – Вряд ли они употребили титанат стронция... – И устремился к доске, где горячо обсуждали устройство памятника, прикидывали зазор силы магнитного поля, ток, который должен циркулировать по кольцу. Замысел памятника, по мере того как цифры сходились, вызывал все большее восхищение. Надо же было додуматься, чтобы так остроумно воплотить сущность идеи Лиденцова. И как раз в памятнике ему же! Именно в памятнике, то есть в сооружении, поставленном навечно, то есть показать смысл сверхпроводимости – когда сопротивления нет, ток движется вечно. Блистательно!

Они вспомнили про бланк, – правильно, нужен институт, специальный институт сверхпроводимости. Возможности открываются такие, что придется действовать широким фронтом.

фигура Лиденцова продолжала расти, подниматься, и вместе с ней росла угроза Осокину и его тревога.

– Понимаете – значит, открытие Лиденцова – факт! – сияя нежностью, обратился к Осокину Маркин. – Иначе осуществить такой памятник было бы невозможно.

Осокин посмотрел на него с презрением:

– Что невозможно?

– Ну, это... – Маркин поднялся на цыпочки, взмахнул руками, – парить!

– Так, – сказал Осокин ничего не выражающим голосом, от которого все притихли. – Я-то полагал, что вы, как специалисты, с точки зрения науки... Ведь ваша задача разобраться и опровергнуть. Такого явления нет и в наше время быть не может. А вместо этого находятся товарищи, – палец его остановился на Маркине, – фактом называют! Голый факт сам по себе еще ничего не означает.

– Можно предположить временной сдвиг. – Маркин виновато переступил с ноги на ногу. – Общей концепции у меня пока нет.

– А что особенного? – вмешался Лева. – Знак времени меняется при переходах из одной среды в другую. Еще Льюис Кэрол обнаружил. У белой королевы память была устроена так, что лучше всего она помнила события будущей недели.

– Как? – переспросил Осокин.

– Нет-нет, – сказал Кузин, – такое может происходить лишь по ту сторону зеркала.

– А если допустить, что была повернута ось времени? Следствие тогда наступает раньше причины.

– ...Достаточно сместить ось времени.

– Погодите, – сказал Кузин, – Лиденцов ведь ощущал это смещение. Он воспринимал сдвиг как болезнь; вполне возможно, физически для организма тяжело... – В таких случаях вместо памяти развивается способность обратная...

Осокин постучал ложечкой, как он делал когда-то на узких совещаниях, и все стихли. Неужели они со своими приборами и диссертациями не понимают, до какого абсурда они докатились!

Кремовые халаты обступили его, внимая каждому слову.

Не стесняясь, он вдруг расхохотался им в лицо. Всерьез рассуждать о ком – о Лиденцове! Как будто такой горемыка, придурок может быть великим человеком. Тупицы! Он-то знал Лиденцова, он-то видел его. Только что видел – красный носик уточкой, нахал, которого он осадил, и тот живо хвост поджал. Рожденный ползать летать не может.

От его смеха они втягивали свои ученые головы в плечи, но при этом они не

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru переставали разглядывать его слишком пристально, как врачи.

- Это в старое время гении оставались непризнанными! - заключил Осокин.

- Гений - явление любопытное. - Кузин подергал себя за волосы. Подсознательное "я" у гения существует в ином виде времени. По отношению к сознанию оно может быть будущим. Нет точных доказательств, запрещающих перемещения во времени. Раз физика не запретила, значит это может быть, значит оно существует в природе. Мы его еще не выявили.

- Нас это не касается. Сдвиги времени не наша тема, - сказал директор. - Нас интересует другое.

Возможно, что Осокину показалось, что все уставились на него, он заволновался и сказал неожиданное.

- Понимаю, насчет жилплощади, - сказал он. - Так вот, ваш Лиденцов сам виноват.

Маркин поднял руки к небу:

- Он же просил маленькую квартиру. Всего-навсего! Такому человеку! Неужели он не заслужил? Поразительно, Матвей Евсеевич, как вы могли отказать? У меня не укладывается.

- Маленькую квартиру, - с ненавистью передразнил Осокин. - Ишь добренькие! Маленькую. Да разве вы понятие имеете! Люди стояли в очереди. За одной комнатой. Последними словами меня поносили. А что я мог? От других таких же отымать? Теперь вам куда просто. Маленькую квартиру. Умники!

Насколько ближе был ему сейчас Лиденцов, - уж он-то бы понял, он бы не посмел, он все это знал,

Кузин мучительно сморщился:

- Нельзя, нельзя, товарищи, во всем винить Матвея Евсеевича. Кто мог тогда знать... - И осекся. Пауза быстро выростала.

Кто мог знать? Да?

Первыми неслышно хихикнули молодые.

Кто мог? А может, кто-нибудь мог? А кто? А вот кто... Знать - знал, а дать - не дал. А ведь все знал. Наперед знал!

Кто мог знать? - надежный, надежно-безответный вопрос, - не вопрос, а извечное оправдание, убежище для всех людей, при всех неожиданностях. И вдруг захлопнулся, как ловушка.

Директор согнал с лица смешок, и оно осталось пустынно-торжественным.

- И всё же, товарищи. Мы должны благодарить Матвея Евсеевича за его участие. Наши молодые иногда упрощают прошлое. Вы уж простите... Помощь ваша позволит нам продолжить розыски. Вы, Матвей Евсеевич, надоумили нас обратить внимание на ряд новых аспектов проблемы. Вполне возможно, это сыграет историческую...

Уши, шея Осокина густо побагровели.

- Я вас не надоумил! - Он задышался. - Вы воспользовались. Я не желаю вас надоумить! Не желаю! Думаете, я не вижу, куда вы тянете? - Он схватил палку, затряс ею. - Не получится у вас! Не на того напали. Обманом берете? Раз так, я вообще не согласен. Я отменяю. Все отменяю. Палка прыгала в его руках, багровое лицо вздулось, посинело, директор испугался, попробовал его усадить, а Осокин, хрипя, отталкивал его.

- Что вы, уверяю, без вашего разрешения мы ничего... - торопился директор, - успокойтесь, мы категорически запретим.

Осокин никак не мог застегнуть пиджак, Кузин додал ему плащ, они вдвоем с

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru директором помогали его надеть. Директор, поглаживая Осокина по спине, сказал:

- Всё мы с вами согласуем. Абсолютно всё. - Голос его стал замшевым. Вот если разрешите, фотографию? На минуточку. Мы ее сейчас переснимем. Чтобы вас из-за этого не беспокоить.

Кузин заискивающе улыбнулся:

- Дадим максимальное увеличение. Сколько вам копий?

Осокин с неожиданной силой отстранил их, подошел к столу, прислонил палку. Двумя пальцами одной руки и двумя пальцами другой Осокин высоко поднял перед собой фотографию и медленно разорвал ее. Сложив обрывки, он понаслаждался общим ошеломлением и снова не спеша разорвал. Бросил клочки в пепельницу. Но, перехватив чей-то неосторожный жадный взгляд, помедлил, с ловкостью схватив спички, он чиркнул и поджег. Маленькое желтое пламя поднялось над пепельницей. Не разрешая приблизиться, Осокин стоял над своим костром, свет пламени лизал его лицо, плясал в старческих глазах, Первым опомнился Кузин. Он беззаботно махнул рукой, и на лицо его вернулось рассеяннo-восторженное выражение.

- Архивы-то надо искать в полуяновском институте, - сказал он. - Там все отчеты...

Переговариваясь, они последовали за Кузиным в глубину комнаты, оставив Осокина одного.

Директор нагнал Осокина на лестнице. Осокин часто останавливался, отдыхал. Директор проводил его до машины. По дороге директор пригрозил Осокину за уничтожение документов, имеющих государственную важность. Осокин молчал. Тогда директор попробовал выяснить - нет ли у Осокина еще каких-либо документов и где могут быть те фотографии Лиденцова и вырезки, куда они могли подеваться. И вообще, не припомнит ли Осокин фамилию президента Академии, того самого, что был на открытии памятника, то есть не был, а будет, если, конечно, будет то, что было...

Осокин, который никак не реагировал на его вопросы, тут чуть покосился на директора, и директор замер лицом. Продолжалось это несколько мгновений, все же достаточно долгих, ибо они навсегда запомнились директору и, может быть, во многом определили его будущее.

К концу лета сняли леса, заборы, новое здание открылось разом прозрачной льдистой глыбой. Посреди фасада извилистым углублением темнел выем. Назначение его было непонятно. Архитекторы пытались доказывать председателю горсовета необходимость чем-то перебить монотонный ритм фасада. Но председатель был недоволен. Тем более что при обсуждении проекта председатель указывал на эту нишу. Были сигналы. Теперь, когда реконструкция площади кончена, ниша мозолила глаза. Для чего, спрашивается, ее делали, о чем думали? Как ее использовать? Архитекторы беспомощно лепетали про сквер. А при чем тут сквер? Председатель отчитал их и, как человек хозяйственный, предложил использовать нишу под кафеавтомат.

Известно, что вид нового здания подействовал на Осокина удручающе.

Пока стояли теплые дни, Осокин приходил в новый сквер. Кафе-автомат разместилось в нише весьма удобно. На площадке расставили столики. Посредине посадили кусты жасмина. Правда, они почему-то никак не принимались. Вялые листья свертывались и падали. Садовник опрыскивал ветки, сыпал землю порошками. Осокин издали следил за ним и усмехался. Усмешка его была маленькая, трудно различимая среди морщин. Он сидел на скамейке, привычно листал газеты, проглядывал фамилии в сообщениях о приемах, визитах, рассматривал фотографии и опять усмехался той же рискованной усмешечкой.

Он очень одряхлел и, сидя, легко засыпал, однако держался по-прежнему настороженно прямо и, задремав, не опускал головы.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Место для памятника. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!